

**Живущий На
Земле**
О собаке доброй и о
собаке злой

Живущий На Земле

О собаке доброй и о собаке злой

«Автор»

2026

На Земле Ж.

О собаке доброй и о собаке злой / Ж. На Земле — «Автор», 2026

О белой злой собаке и о черном добром псе . В стихах. Для детей о дуальности и неоднозначности мира.

© На Земле Ж., 2026

© Автор, 2026

Живущий На Земле О собаке доброй и о собаке злой

Глава 1

Сказка о Белой и Чёрной собаке
Часть первая. Снежная
В одном краю, где тополя

Склоняют ветви до земли,

Где в сумерках поют ветра,

Стоял приют. И в тесной мгле,

За прутьями сырых вольеров,

Ютились брошенные псы —

Кто стар и хвор, кто мал и сир,

Кому достались лишь часы

Тоскливых ожиданий. Мир

Их был неласков и жесток,

Но каждый зверь в душе берёт

Надежду, тонкую как нить:

Авось придут и приютят,

Авось погладят и простят

Им то, чего не может быть.
Но не о них пойдёт рассказ.

В глухую полночь, в тихий час,

Когда луна, бледна, чиста,

На снег роняла жемчуга,

К порогу принесла беда

Щенка — белее молока,

Белее утренних снегов,
Белее горних облаков.
Ни звука не издал малыш,
Не взвизгнул, не залаял всласть.
Казалось, в нём застыла страсть,
Что не разбудишь — не вспугнёшь.
Казалось, в нём уснула душа.
Приютский сторож, кряхтя, внёс
Её в вольер, где пёсий сброд
Возился, тявкал и скулил.
Она ж забилась в дальний угол
И замерла, как изваянье.
Никто не знал, какой недуг
Терзал ей сердце. Лишь глаза,
Глубокие, как небеса
Перед грозой, таили мрак.
Таких не встретишь у собак,
Воспитанных в тепле и ласке, —
В них отражался не испуг,
А знание, горькое до мук,
О том, что люди — только маски,
Что доброта их — лишь обман,
Что мир не дом, а котлован,
Где каждый сам и каждый враг.
Откуда этот горький опыт

В столь юном сердце? Мы не знаем.

Быть может, прежний, злой хозяин

Её пинал и мордой в копоть

Тыкал за каждую провинность.

А может, видела она,

Как под колёсами визжала

Её родная мать, и ало

На серый снег текла слюна...

Не будем раны беречь.

Довольно знать: она устала

Людей любить и им служить.

Она мечтала лишь о том,

Как вырвется из стен бетонных,

Как пробежит по склонам сонным,

Как станет вольною, как гром

В ночи расколет небосклон —

И будет домом ей весь мир.

Ничьих не принимать даров,

Ничьих не слушаться пиров,

Не гнуть хребта, не лаять в лиру

Чужой, наскучившей хвалы.

Уйти туда, где ковыли

Качает ветер, где в траве

Гудят шмели, где в синеве

Орёл парит — свободный, гордый,

Не знающий людской узды.
Но как сбежать? Замки крепки,

А сторожа неумолимы.

Она лежала, и тоски
Холодной, долгой, нелюдимой
Никто не видел за белёсой,
Пушистой шёрсткой. Кто бы мог
Подумать: этот белый клоч,
Похожий на овечью чёлку,
Вмещает разум, острый, колкий,
И волю, твёрдую как сталь?
Она решила: час настал.

И начался великий спектакль.
Наутро, лишь рассвет зажёт
Румянцем край сырого неба,
Она впервые поднялась
И вышла в свет. Не торопясь,
Ступая мягко, гордо, слепо
Не глядя на собачий лай,
Она приблизилась к решётке.
И люди ахнули: «Гляди-ка!
Она — как будто невеличка
С небес сошла. Смотри, как ходит,
Как носиком поводит, вроде
Царевна, а не просто псица».
И потянулись вереницей
К ней руки тёплые, ладони.

Она ж на каждый жест посторонний

Взирала холодно и строго —

Царица выбирает, много ль

Достойных среди черни праздной?
И вдруг — застыла. Глазом ясным,

Внимательным, почти печальным

Взглянула на того, кто в зале

Стоял поодаль. Был он статен,

Богато одет, бородат, но

В глазах его читалась скука

Пресыщенного жизнью духа.

Он руку протянул рассеянно —

И в тот же миг она, священный

Давая будто бы обет,

Лизнула пальцы. Человек

Вздрогнул. И замер. И улыбка

Его лицо преобразила —

Нежданно мягко, сиротливо,

Как будто он не знал давно

Тепла. «Беру», — сказал одно

Лишь слово.

И её из клетки

На волю вынесли. Но в этой

Свободе мнимой был расчёт.
Держал он бережно щенка,

К груди прижав. Она ждала.

Сквозь двери, через скрип крыльца,

Минуя прочих псов, которых

Вели гулять на поводках,

Шёл человек. И на руках

Белела шёрстка. Нежный ворох,

Похожий на клочок зимы.

Вот двор. Вот небо. Вот забор.

Вот долгожданная свобода —

Рукой подать. Ещё немного,

И скроется за поворотом

Приютский страж, и крик «прощай»

Растает в утренних лучах.

И тут — мгновенье. Лишь одно

Мгновенье выбрала она,

Пока хозяин отвлекался,

Пока платок свой поправлял,

Пока в кармане ключ искал

От ожидавшего авто.

Она рванулась — и укус,

Один, короткий, жгучий, резкий,

Вонзился в руку. Человек

Вскричал от боли, от неожиданной,

От дерзости такой незваной.

Разжал ладони. И она,

Не оглянувшись, сорвалась

На землю, с места понеслась,
Мелькая белым опереньем.
Вдоль переулка, через сквер,
Мимо скамеек, мимо клумб.
Залаял кто-то: «Эй, куда?»
Свистели вслед. Но никогда
Она не мчалась так легко,
Так быстро, яростно, насквозь —
Как будто не было оков,
Как будто не было угроз,
Как будто целый мир ей дом,
А небо стелется ковром.
Она бежала без дорог,
Через дворы, через мосты,
Пока приютский городок
Не растворился в дымке мгlistой,
Пока не стихли голоса,
Пока не выпала роса
На первые кусты полыни.
И вот — свобода. Лапы бьют
По гравию, потом по глине.
Она бежит. Она впервые
За столько дней не чует пут.
Ничьих ошейников, ничьих
Поводьев, мисок и ковров.
Лишь ветер в шерсти, да ночной

Мост над рекой, да волчий зов
В груди ликующей поёт.
Она бежала долго. Свет
Фонарный кончился. Кювет,
Заросший мятой, стал ночлегом.
Она легла. Дышало небо
Над ней огромное. Звезда
Скатилась в чёрные леса.
И первый раз за много дней
Она вздохнула всей душой —
Без гнева, боли и цепей.
Свободной. Гордой. И чужой.
Так стал ей домом целый мир.
Но мир велик. А сердце — сирота.
Часть вторая. Темныш
И в то же время, за оградой,
Где фонари уже не жгут,
Где город кончился громадой
Бетонных стен, где в ряд бегут
Заброшенные гаражи,
Сараи, ржавые листы,
Где ветер воет от души,
А люди попросту черствы, —
Там, в щели между двух камней,
На грязном, стылом пустыре,
Средь мусора и сорняков,

Родился чёрный пёс. Без слов,
Без ласки, без тепла, без крова.
Судьба жестока и сурова
Была к нему с начала дней.
Едва открыл глаза — над ним
Не морда матери родной,
А неба серого настил
Холодной, мокрой пеленой.
Их было четверо в помёте.
Три крупных девочки: одна
Чернее сажи, а другая
Белее извести пятна
На рыжей шёрстке у третьей.
А он — последыш, небольшой,
Тщедушный, с впалыми боками,
С глазами, полными тоски,
Что у щенков не по годам.
Мать их была простая сука,
Бездомная, с душою чуткой.
Она любила их, как птица
Любить умеет — без границы,
Без усталости, одним теплом
Своим дыша в комок живой.
Но мир неласков к беднякам:
Однажды утром, за едой,
Она рванула через трассу,

Где выбросил какой-то путник
Кусок батона. Миг — и звук
Удара страшного, и вдруг
Всё стихло. Только красный след
На сером, каменном асфальте,
Да ветер, что принёс привет
Оттуда, где не плачут, не жалеют.
Осиротели в тот же час.
Сестёр природа не жалела —
Они дрались, рычали, ели
Всё, что могли найти в пыли.
А он не мог. Он был слабей,
Тише, податливей, смиренней.
Когда кидались на объедки,
Он отступал. Его уделом
Была лишь корка, да и ту
Сестра рыжая отнимала,
Скалясь злобно. Он скулил,
Дрожал, на лапы оседал
И ждал. Чего — и сам не знал.
Так шли недели. Холод ближе
Подкрался к городу. Зима
Ещё не властвовала, но
Дышала в спину. Первый снег
Упал на грязный пустырёк.
И вот однажды, на заре,

Когда туман, как молоко,
Стоял над свалкой, наш щенок
Остался вовсе без еды.
Сёстры умчались воевать
Задохлого голубя — он
Же не посмел и рта разинуть,
Сидел один. Сидел и стынул.
А снег всё шёл. Не торопясь,
Спокойный, важный, белый, чистый,
Он укрывал собою грязь,
Будильник сломанный, монисто
Битых бутылок, старый таз...
И чёрного щенка в том мире
Как будто не было совсем.
Он слился с тенью, с этой грязью,
Он стал невидим, нем и сир.
И вот настало то мгновенье,
Когда слабеет в сердце стук,
Когда уже не ждёшь спасенья
И замерзаешь, словно жук
В янтарной, ледяной смоле.
Он лёг на снег. Он был как уголь
На белом саване земли.
Дышал всё реже, всё тише,
И жизнь сочилась по чуть-чуть

Из маленького тельца в стужу.
А снег кружился и ложился
Ему на чёрную главу,
На мокрый нос, на удобу,
На каждую ресничку, в уши...
И был бы он похоронён
Под этим саваном беззвучным,
Когда б не случай, что порой
Приходит в облике девчужьем.
Там, где кончался пустырёк
И начинался старый дворик,
Жила одна семья. И в ней
Была девчушка лет семи.
Не то чтобы несчастна — нет.
Отец и мать, обед, мультфильмы...
Но что-то в ней с начала дней
Томилось тихо, нелюдимо.
Она любила быть одна,
Гулять по улочкам чужим,
Смотреть на птиц, на облака.
И почему-то все в округе
Её считали «не такой» —
Тихоней, странной, нелюдимой.
А ей просто нужен был тот,
Кто не осудит, не прогонит,
Кто примет сердцем, не словами.

В то злое утро января
Она пошла гулять без спросу —
Сама не зная для чего.
Как будто что-то позвало
Её на дальний пустырёк,
Где никогда не погуляешь,
Где бродят псы, где битый лёд
Хрустит под ножкой и воняет
Помойкой, дымом, пустотой.
Она бы мимо проходила,
Когда б не пятнышко одно
На белом-белом покрывале —
Как будто кто-то в снег упал
И растворился в одеяле.
Она приблизилась. Сперва
Ей показалось — просто тряпка,
Какой-то свёрток или ком.
Но снег дышал. Но снег дрожал.
И разглядела: это он,
Щенок. Чёрнее чёрной сажки,
Худой до рёбрышек, лежал
И еле-еле поднимал
Бока запавшие. Дышал,
Но этот вздох был так печален,
Так редок, тих и так далёк,

Как будто ангел отлетающий
Ещё держал его крылом,
Но вот-вот выпустит.
И тут —
Никто не знает почему —
В девчущке этой пробудилось
Не просто жалость. Нет. Родство.
Она смотрела в эти очи,
В глубокий, матовый агат,
И видела в щенячьем мраке
Себя саму — того, кто лишний,
Кого не ждали, не хотели,
Кто не умеет драться, лаять,
Кто просто хочет быть любимым,
Но мир не дал ему любви.
И, сбросив варежки, она
Взяла щенка в ладони. Нежно,
Как держат птенчика, она
Прижала к сердцу это тельце.
Оно казалось ледяным,
Почти недвижимым, неживым,
Но что-то тихо в нём дрожало.
— Не умирай, — она шептала. —
Пожалуйста, не умирай.
Ты слышишь? Я с тобой теперь.
Ты только потерпи чуть-чуть,

Я отнесу тебя домой,
Там мама греет молоко,
Там печка тёплая... Пстой!
И чёрный пёс, чей дух уже
Блуждал по краю тьмы кромешной,
Услышал вдруг неведомый,
Далёкий зов. Не слов, а звука,
Не смысла — теплоты одной.
Так в первый раз за всю недолгую
Собачью жизнь свою он ощутил,
Что он не лишний. Что кому-то
Он нужен именно такой —
Заморышем, последним, хилым,
С чернющей шкурой, с мокрым носом.
И он держался. Он терпел,
Пока девчушка, спотыкаясь,
Бежала через пустырёк,
Пока взбиралась на крылечко,
Пока шептала что-то маме,
Пока горячее питьё
Ему вливалось в пасть. Терпел.
Терпел. И выжил.
А потом,
Когда уж ночь накрыла город,
Когда метель завывала в трубах,
Он отлежался. И впервые

Уснул в тепле — не в луже грязной,

Не на ветру, не под дождём,

А на подстилке, у огня,

В коробке из-под старых туфель.

И снился чёрному щенку

Удивительный сон: как будто

Он стал большим и сильным псом,

С глазами, полными огня,

И кто-то белый, словно месяц,

Бежал с ним рядом, бок о бок,

Не враг, не друг — иное нечто,

Родное, как вторая тень.

Но то был сон. А наяву

Он только начинал свой путь,

Не зная, что судьба уж точит

Клинок для встречи роковой

Двух душ — что белую, что чёрную,

Двух половин, что стать должны

Одним дыханьем, целым миром,

Где свет и тьма, добро и зло

Сплетутся в узел неделимый.